

Раздел 1.

РОССИЯ И АТР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М. А. КОНАРОВСКИЙ

БЕЗОПАСНОСТЬ В АТР И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Михаил Алексеевич Конаровский – ведущий научный сотрудник
Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.и.н.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
E-mail: makonarovsky@gmail.com

Аннотация: *Азиатско-Тихоокеанский регион остается основным двигателем мирового развития. Однако старый конфликтный потенциал и новые вызовы могут привести к дестабилизации обстановки. На повестке дня стоит вопрос создания сбалансированных структур региональной безопасности, что могло бы существенно нивелировать соперничество между Пекином и Вашингтоном. Лидирующую роль в этом сохраняют АСЕАН, а также набирающий обороты Восточноазиатский саммит (ВАС). Со своей стороны США стремятся форсировать формирование Транстихоокеанского партнерства для обеспечения своего общего доминирования в регионе. Основным соперником Вашингтона становится Китай, разрабатывающий свои альтернативные схемы. Интересам России отвечало бы продолжение формирования секторальных структур безопасности под эгидой АСЕАН и ВАС, а в экономическом плане – быстрая реализация программы ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока.*

Ключевые слова: *АТР, АСЕАН, ВАС, Транстихоокеанское партнерство, ШОС, региональное всеобъемлющее экономическое сотрудничество, экономический пояс шелкового пути, ЕАЭС.*

На фоне резкого осложнения ситуации на международной арене Азиатско-Тихоокеанский регион продолжает оставаться основным двигателем мирового экономического развития. Вместе с тем и здесь не только сохраняются застарелые нерешенные проблемы, но и появляются новые значительные вызовы. Это было вновь подчеркнуто на состоявшемся недавно в Маниле очередном саммите АТЭС, во время которого в связи с последним резким осложнением международной стабильности в результате массированных террористических актов запрещенного в России ИГИЛ его участники решительно осудили терроризм во всех его формах и проявлениях [16]. Особая актуальность принятия общей стратегии и скоординированных шагов по обеспечению в АТР стабильности и мира налицо, тем более что дестабилизация в регионе неизбежно привела бы к дополнительной, самой серьезной деградации обстановки на глобальном уровне.

Создание в последние десятилетия многоуровневых диалоговых механизмов по проблематике безопасности в АТР вытекало из конкретных геополитических реалий этой

части мира, где пересекаются интересы как глобальных мировых игроков, так и региональных государств. Значительное негативное влияние на положение дел оказывали и продолжают оказывать территориальные споры при различных базовых подходах заинтересованных сторон к их разрешению (на двусторонней основе или через международное посредничество), а также ядерная проблематика, гонка обычных вооружений, проблема разделенных народов. Среди усугубляющихся нетрадиционных угроз – терроризм, нелегальная миграция, религиозно-политический экстремизм и т.д.

Стремясь избежать участи заложников соперничества крупных держав, региональные государства в последние десятилетия стремились не только найти собственную нишу в диалоге по проблемам безопасности, но взять инициативу в свои руки и даже возглавить этот диалог. Такая линия, прежде всего, была тесно связана с деятельностью созданной в 1967 году Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹. В свое время фактически именно она превратилась в основную диалоговую площадку по проблематике безопасности АТР. При этом, как справедливо полагают некоторые исследователи, если взаимодействие государств в части нетрадиционных вызовов безопасности способствует укреплению тренда на универсальность уже существующих в АТР диалоговых механизмов, то соперничество в рамках подходов к вопросам традиционной безопасности предопределяет не только сохранение, но и укрепление в нем центробежных тенденций [5].

Кардинальные изменения в мире последней четверти века оказали самое серьезное влияние на дальнейшую эволюцию дискуссии по проблемам региональной безопасности. На фоне распада СССР и попыток США окончательно закрепиться в качестве единоличного мирового лидера, а также роста экономической и военно-политической роли Китая не только в АТР, но и в глобальном измерении резко возросло внимание расположенных здесь государств к сотрудничеству с Пекином по всему спектру проблематики безопасности. При этом США рассматривались как стратегически важный элемент подстраховки против растущих региональных амбиций Пекина. Азиатский экономический кризис 1997–1998 годов. придал дополнительный импульс такой тенденции, подкрепив ее, в том числе, и за счет окончательного оформления диалоговых механизмов АСЕАН с не входящими в ее структуру крупнейшими государствами зоны АТР.

Россия, признавая за АСЕАН роль ведущего многофункционального механизма региона, без активного сотрудничества, с которым невозможно обеспечить широкое политическое и экономическое присутствие здесь, нацелена на всемерное углубление политического диалога в формате Россия – АСЕАН в интересах обеспечения региональной безопасности и развития хозяйственных связей. Конкретные задачи на перспективу должны быть определены на базе готовящегося стратегического документа о долгосрочных перспективах двустороннего партнерства, которому в 2016 году исполнится двадцать лет, а также очередного плана совместных действий на ближайшее пятилетие [3].

Помимо Северо-Восточной Азии с ее сложным комплексом проблем, одним из наиболее взрывоопасных районов Восточной Азии остается акватория Южно-Китайского моря, где пересекаются не только важнейшие, имеющие общемировое стратегическое значение торгово-экономические пути, но и конкретные интересы Китая, Японии, Австралии, Южной Кореи и ряда государств – членов АСЕАН, а также опосредованно США² [2]. При этом региональные оппоненты стремления Китая закрепить свое доминирующее влияние в акватории ЮКМ в значительной степени рассчитывают на поддержку со стороны Вашингтона. Их особую, разделяемую США обеспокоенность, вызывает, в частности, строительство здесь насыпей и маяков, что представляется китайской стороной как направленное на обеспечение лучших условий для навигации в общих интересах [см. 17; 18]. Периодически возникающее здесь обострение обстановки показывает, что – при отсутствии взаимной доброй воли – территориальные споры в этой акватории могут

¹ Хотя окончательное оформление Ассоциации произошло только после создания в 1976 году ее Секретариата.

² Через Южно-Китайское море и Малаккский пролив проходит до четверти мировой торговли товарами и перевозимой морским путем нефти, а также до трети сжиженного природного газа; осуществляется до 60 % всей внешней торговли Китая, и эти цифры еще выше применительно к Австралии, Японии, Южной Корее и некоторых других стран.

серьезно обострить общую ситуацию и во всем регионе. Вместе с тем быстрое и без видимых политических последствий разрешение последнего, октябрьского американо-китайского инцидента в акватории, на которую претендует Пекин, подтвердил осознание сторонами опасности перехода «за красную черту». В таком же ключе, несмотря на риторику, действуют и прибрежные государства – члены АСЕАН, стремящиеся, несмотря на настороженность к Пекину, продемонстрировать приверженность продекларированному более десятка лет назад совместному кодексу поведения на море. Чтобы дополнительно стимулировать такой настрой, нынешней осенью Пекин выступил с предложениями о некоторых дополнительных мерах доверия в ЮКМ.

В период после своего создания Ассоциация приобрела достаточный опыт реагирования на специфику политических процессов в АТР, приобретя репутацию одного из наиболее успешных проектов регионального сотрудничества [14, с. 285]. Вместе с тем осложнения межгосударственных отношений последних лет на глобальном и региональных уровнях, с одной стороны, и усугубляющаяся политическая напряженность в самом регионе, недостаточная институционализация АСЕАН, непростое внутреннее положение в государствах Ассоциации, их «неспособность преодолеть националистические настроения» в политике – с другой, вызывают у некоторой части политологического сообщества определенные сомнения в способности АСЕАН играть главную роль в построении новой архитектуры региональной безопасности [19]. Тем не менее члены Ассоциации, осознавая стоящие перед ними вызовы, полны решимости сохранять завоеванный политический статус. Опыт АСЕАН требует всестороннего изучения (в том числе, с точки зрения формирования и функционирования института ее диалоговых партнеров) и при дальнейшем проецировании расширенной архитектуры безопасности в АТР. В этой связи серьезную консолидирующую роль мог бы сыграть предполагаемый в ближайшем будущем запуск Сообщества АСЕАН.

В качестве базовых элементов будущей общей архитектуры региональной безопасности рассматриваются такие тесно связанные с АСЕАН структуры, как Региональный Форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны АСЕАН с коллегами из восьми государств – партнеров, а также созданный в 2005 году и активно набирающий позитивную динамику Восточно-Азиатский саммит (ВАС). При этом Китай и страны АСЕАН, в частности, намерены продолжать продвигать анонсированный в 2011 году проект Регионального всеобъемлющего экономического сотрудничества (РВЭС) в качестве экономического фундамента такой архитектуры. Он, однако, вступает в явное противоречие с продвигаемым Вашингтонским Транс-Тихоокеанским партнерством (ТТП)³. Став по существу экономическим фундаментом военно-политической доктрины стартовавшего тогда же американского «Поворота к Азии», он рассчитан на закрепление лидирующей роли США в Восточной Азии без учета экономических интересов не вошедших в этот пул государств. В данном контексте речь прежде всего идет о Китае: подписанное 5 октября 2015 года в США соглашение по ТТП может интерпретироваться Пекином как направленное на его экономическую изоляцию от значительной части региональных партнеров. Достаточно выпукло это проявилось в ремарках президента США Б. Обамы после достижения соглашения по ТТП о намерении Вашингтона блокировать любые действия Китая по формулированию правил глобальной экономики.

Что касается России, то, исходя из ее незначительной роли в торгово-экономических обменах и интеграционных процессах в АТР (исключение, по существу, составляет Северо-Восточная Азия), ТТП в ближайшей обозримой перспективе вряд ли окажет существенное воздействие на ее хозяйственные связи в этом регионе. Да и, как отмечают эксперты, высокий уровень требований, прежде всего, в области тарифных ограничений (помимо политических мотиваций), не создают возможностей для подключения Москвы к переговорному процессу [8, с. 113]. Тем не менее в отдаленной перспективе реализация Партнерства может серьезно осложнить реализацию соответствующих перспективных намерений Москвы в Азиатско-Тихоокеанском ареале. Как известно, недавно Россия и другие страны ЕАЭС заключили

³ Кроме США, в ТТП входят Австралия, Канада, Япония, Мексика, Малайзия, Перу, Чили, Н. Зеландия, Вьетнам, Сингапур, Бруней. Окончательные договоренности по ТТП были достигнуты 5 октября 2015 года, что, по оценке США, послужило дальнейшему укреплению стратегических отношений Вашингтона с союзниками и партнерами в этом жизненно важном регионе 21 века [6].

соглашение о зоне свободной торговли с таким участником ТТП, как Вьетнам, которое в перспективе может стать образцом для подписания подобных документов и с другими государствами (во всяком случае, такую возможность рассматривают еще сорок стран). Поэтому концепция Транстихоокеанского партнерства вполне согласуется с тезисом российского руководства о растущем экономическом эгоизме ряда государств (читай, прежде всего, – США), их стремлении к созданию эксклюзивных замкнутых экономических объединений без учета интересов других государств, в том числе и для того чтобы изменить существующие правила Всемирной торговой организации (ВТО) [10]. Обеспокоенность России непрозрачностью процесса формируемого ТТП (а также Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства – ТТИП) вновь конкретно обозначил президент России перед ноябрьским саммитом АТЭС 2015 года [11].

Вместе с тем, если между РВЭС и ТПП не будет найдено точек соприкосновения, то Азиатско-Тихоокеанский регион рискует столкнуться с новыми разделительными линиями, проходящими между конкурирующими между собой экономическими объединениями. А это в свою очередь приведет к углублению и политических разделительных линий. Определенные возможности для того, чтобы избежать такого сценария, скорее всего, могут быть найдены. Тем более, что такие участники ТТП, как Австралия, Япония, Новая Зеландия, Малайзия и Сингапур также имеют отношение и к дискуссии по проекту РВЭС; в стадии обсуждения находится также вопрос о зоне свободной торговли в треугольнике Китай – Япония – Южная Корея. В этом контексте перспективным проектом могла бы стать также анонсированная на саммите АТЭС 2014 года идея Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Осуществление такого масштабного проекта, безусловно, потребовало бы и более продвинутой и универсальной системы совместной политики безопасности.

Кроме того, реализация китайской инициативы 2013 года о создании «Морского Шелкового пути 21 века» (как составной части стратегии «Один пояс, один путь») [7, с. 3] в сопряжении с РВЭС способна создать дополнительную экономическую конструкцию для несущих конструкций региональной безопасности будущего. Как известно, вторая составляющая этой концепции – «Экономический пояс Шелкового пути предполагает охват, в том числе, регионов Центральной и Южной Азии, а также части акватории Индийского океана. В связи с этим могут появиться дополнительные возможности для развития соответствующего сотрудничества и в более широком евразийском измерении, в том числе на базе сотрудничества с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). В России активно продвигают такой подход, полагая его за образец гармонизации региональных экономических проектов или «интеграцию интеграций» на основе универсальных и прозрачных принципов международной торговли [10].

В последние два года наблюдается заметная активизация и в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Становясь все более весомым фактором многовекторной системы безопасности в АТР, она продолжает активно обеспечивать более глубокую координацию в сфере безопасности, противодействия новым вызовам и угрозам, прежде всего терроризму и наркотикам, а также на экономическом треке. Связки ШОС с АСЕАН, безусловно, укрепляет начавшийся летом 2015 года процесс вступления в ШОС имеющей обширные интересы и связи в АТР Индии. Потенциал Организации укрепитя и за счет Пакистана – «секторального» партнера по диалогу с АСЕАН, который также начал движение к получению статуса полноправного члена в Шанхайской организации, а Камбоджа и Непал в 2015 году получили статус партнеров по диалогу ШОС. На ее саммите в Уфе, поддержавшем инициативу по ЭПШП, было зафиксировано намерение наладить необходимые в этой связи информационные обмены между государствами – членами «Шанхайской шестерки» [15]. Такое направление совместной деятельности могло бы существенно укрепить и политический потенциал ШОС в целом, способствуя, в частности, превращению ЭПШП из сугубо китайского проекта в международный. Учитывая же то, что половина членов «Шанхайской шестерки» (Россия, Казахстан, Киргизия) одновременно входят и в ЕАЭС, ШОС могла бы немало сделать и для сопряженности Евразийского экономического Союза с Экономическим поясом.

Принятая тогда же в Уфе «Стратегия развития Шанхайской организации до 2025 года», констатируя особое значение соблюдения в современных условиях принципов равной и

неделимой безопасности для всех регионов мира, включая, естественно, и АТР, отметила в качестве важнейших приоритетов сотрудничество с ООН и другими международными и региональными организациями. В том числе, это касается и АСЕАН, сотрудничество с которой может совершенствоваться на основе имеющегося двустороннего Протокола [13]. В этом контексте можно было бы распространить и на обе эти структуры практикуемые в каждой из них регулярные встречи для обсуждения наиболее актуальных вопросов безопасности как в мире, так и в регионе (например, по линии Совещания министров обороны «АСЕАН Плюс» и соответствующего диалогового механизма министров силового блока в рамках ШОС). При возможной проработке вопросов гуманитарных связей в рамках региональных диалоговых механизмов (в том числе, о создании Сетевого университета АТР), мог бы пригодиться уже имеющийся на этот счет опыт ШОС.

В свете набирающего обороты фактора международного исламистского терроризма вполне очевидно, что ИГИЛ может начать активно распространять свое дестабилизирующее влияние не только на Южную, но и Юго-Восточную Азию, что уже вызывает растущую обеспокоенность в целом ряде стран АТР. Достаточно широкие возможности для широкого проникновения терроризма образца Исламского государства предопределяются как значительной религиозно – этнической пестротой региона, так и уже имеющимися здесь соответствующими негативными проявлениями. Наличие уже в течение многих лет исламистских и иных организаций, ориентированных преимущественно на силовые методы воздействия, создают для этого достаточно благоприятные условия. После объявления в 2014 году претензий ИГИЛ на мировой халифат его деятельность начала активно распространяться, в частности, на Малайзию и Индонезию, в том числе для рекрутирования боевиков, а также нелегальной переброски террористов в организуемые в этих странах учебно- подготовительные центры [21]. Ячейки ИГИЛ в Индии смыкаются с местными воинствующими исламистами, призывающими к вооруженному джихаду в целях исламизации всего населения страны [20].

Размах глобализации, дальнейшее укрепление роли государств АТР в мировом экономическом развитии при сохранении и даже усугублении внутрорегиональных противоречий, а также традиционных и новых угроз безопасности стимулировали создание в 2005 году Восточно-Азиатского саммита (ВАС) [5, с. 4–5]. Встречи последних лет в рамках Саммита, в том числе и на состоявшемся в ноябре 2015 года в Куала-Лумпуре, подтверждают, что он все более утверждается в качестве важнейшей общерегиональной площадки не только для диалога на высшем уровне по ключевым вопросам международных отношений, но и для практического взаимодействия по обеспечению безопасности в регионе. В последнее время именно на площадке ВАС формируется новая архитектура безопасности в АТР, в связи с чем имеется ряд серьезных, конкретных предложений⁴. Тот факт, что, в значительной степени перекликаясь между собой, они содержат немало идентичных положений, создает неплохую основу для выработки в перспективе консолидированного документа.

В 2011 году в свете признания возрастающей роли АТР в мировых процессах в Вашингтоне было принято решение о смещении акцентов в военно-политической доктрине страны на Восточную Азию в целях недопущения снижения там роли США. Самое серьезное, если не основное влияние на реконфигурацию американской политики, здесь, безусловно, оказал рост в регионе военно-политического и экономического «профиля» Китая и Индии, а также решение администрации Б. Обамы о сокращении военного присутствия в Афганистане и Ираке. При этом противоречия между Пекином и Вашингтоном становятся сегодня основным потенциальным кризисным источником в АТР. Отношения между ними будут оказывать все возрастающее, а впоследствии решающее влияние и на положение дел в ареалах, уже давно потенциально опасных для стабильности в этой части Азии. При этом усугубление американо-китайской напряженности оказало бы самое негативное влияние

⁴ К их числу относятся инициированная Россией и поддержанная Китаем и Брунеем идея о рамочных принципах укрепления сотрудничества в области безопасности в регионе и по соответствующему плану действий; инициатива Китая о «новой концепции безопасности в Азии»; идеи Индии об азиатско-тихоокеанской архитектуре безопасности с особым упором на обеспечение безопасности на море, предложение Индонезии по Индо-Тихоокеанской доктрине с заключением рамочного договора, нацеленного на предотвращение конфликтных ситуаций и поиск соответствующих взаимоприемлемых развязок.

на общую обстановку, разделив региональные государства на сторонников и противников каждого из этих больших игроков. Поэтому именно вокруг проблематики отношений между Пекином и Вашингтоном будут вестись все основные дебаты. В этом контексте представляется особо важной скорейшая выработка кодекса безопасности, который мог бы сдерживать наметившийся в последние годы новый виток соперничества этих двух крупных игроков в АТР.

Несмотря на нынешнее обострение отношений с Западом, Россия вряд ли может быть заинтересована в американо-китайской конфронтации в Восточной Азии. Это оказывало бы негативное влияние на обстановку в приграничной с ней Северо-Восточной Азии, соответственно, на планы развития связей страны как с государствами этого субрегиона, так и с АТР в целом⁵, что провозглашено одним из важнейших приоритетов внешней политики страны. Одновременно российско-китайское сотрудничество в проблемных точках АТР, прежде всего в СВА, а также в Южно-Китайском море могло бы стать весьма значимым элементом для дальнейшего двустороннего сближения, играя немаловажную дополнительную роль и в сдерживании тихоокеанских амбиций Вашингтона и его маневров по укреплению или созданию подконтрольных блоковых объединений. Взаимопонимание Москвы и Пекина по проблематике ЮКМ способствовало бы также нахождению общих знаменателей в отношении Вьетнама, с которым Россия строит привилегированные отношения, а у Китая имеются серьезные разногласия. Исходя из этого же, в политическом плане Россия всемерно заинтересована в противодействии закреплению в АТР закрытых военных альянсов, что было вновь подчеркнуто в выступлении В. В. Путина на последней сессии Генассамблеи ООН [10], а также в ежегодном Послании Федеральному Собранию 4 декабря 2015 года [9].

Потенциально опасным элементом для региональной стабильности остается комплекс проблематики Северо-Восточной Азии, (российско-японские, китайско-японские, корейско-японские отношения, противостояние между двумя Кореями) [1, с. 39]. Положение дел усугубляется и за счет вовлеченности в них ядерной проблемы. Разрешить этот общий узел в ближайшее время также вряд ли представится возможным, и он будет продолжать требовать повышенного внимания, во избежание эскалации. Что касается японо-российского территориального вопроса и так называемой тайваньской проблемы, то при всей их чувствительности для вовлеченных сторон, соответствующее поведение, скорее всего, будет в значительно большей степени предсказуемым и достаточно сдержанным.

Создание в АТР всеобъемлющей и юридически обязывающей страны – участницы системы безопасности, которая охватывала бы все военно-политические, экономические, этно-религиозные и иные аспекты развития региона, вряд ли достижимо в ближайшем обозримом будущем. Скорее всего, речь могла бы идти о дальнейшем совершенствовании уже созданных секторальных структур безопасности и совершенствовании многосторонней сетевой дипломатии. Именно на это делает упор российская дипломатия. Одновременно следует вычленять то общее, что способствовало бы постепенному созданию предпосылок и условий для дальнейшего сближения и конвергенции этих структур. Наиболее перспективной из них, по мнению России, на сегодняшний день является Восточно-Азиатский форум. Он рассматривается в Москве в качестве ключевого элемента будущей архитектуры широкой общерегиональной безопасности, который будет играть ведущую роль «в разработке единых для всех государств в регионе “правил игры”» [4]. При этом, с учетом значительного многолетнего позитивного опыта АСЕАН, было бы целесообразно сохранять за ним значимую балансирующую роль, в значительной степени и нивелирующую конкретные амбиции США и Китая. Вашингтон же предпочитает ориентироваться скорее на созданные под своей эгидой структуры, рассчитывая на «подтягивание» к ним остальных. В этом контексте особое внимание он, естественно, будет продолжать оказывать такому традиционному партнеру, как Япония (нынешние отношения с ней в США характеризуют как «самые крепкие» за всю их историю), а также Южной Кореи, Австралии и другим. Однако вряд ли было бы реалистичным, особенно в нынешних условиях международного развития,

⁵ На этом фоне, совершенно иную линию проводят США на северо-центрально-азиатском фланге границ Китая, где Вашингтон, нащупывая возможности для сотрудничества с Китаем, неизменно настороженно настроен в отношении роли в регионе России. [См.12, с.101]

рассчитывать на то, что США удастся в полном объеме реализовать свою стратегию.

Хорошей основой для создания в перспективе структурированной системы безопасности в АТР могла бы оставаться российско-китайская инициатива 2010 года, включавшая такие положения, как двустороннее и многостороннее сотрудничество в области безопасности на неблоковой основе и при соблюдении принципов суверенитета, независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела государств, приверженности принципам равной и неделимой безопасности. Особое внимание в такой работе следовало бы уделить акцентам на оборонительном характере военной политики государств АТР и развитию соответствующего сотрудничества, не направленного против третьих стран. Признание же принципа урегулирования разногласий мирными политическими средствами и неприятие использования военной силы или угрозы ее применения могло бы включать в себя также и запрет на поддержку усилий по свержению существующих правительств или подрыву стабильности государств. Словом, речь могла бы идти о своего рода рамочном кодексе поведения государств АТР. В 2013 году в рамках механизма ВАС был запущен процесс многостороннего диалога о формировании в АТР открытой архитектуры безопасности, и очередной раунд соответствующих консультаций намечен к проведению в Китае в следующем году. Инициативная политико-дипломатическая активность Москвы, в том числе в части запуска этого диалога, подтверждает ее намерение энергично восстанавливать и всемерно расширять участие в делах региона, которое заметно снизилось четверть века назад, после распада Советского Союза.

К дальнейшему повороту к Азии Россию подталкивают долговременные экономические и политические интересы, в том числе, и идея опережающего развития регионов Сибири и Дальнего Востока. Приоритетное значение для нашей страны Восточной Азии, и в частности Китая, еще более возросло после резкого осложнения отношений России с Западом в последние годы (хотя предпосылки для такого обострения создавались достаточно давно). А тот факт, что многие западные политологи в последнее время все чаще стремятся «предостеречь» Россию от углубленного развития отношений с Поднебесной, косвенно отражает, по существу, их собственную растущую обеспокоенность несбалансированной внешней политикой Вашингтона и его союзников в отношении Москвы. Совершенно очевидно, что Россия продолжит наращивать усилия для того, чтобы максимально продуктивно для своих интересов и безопасности в регионе вписаться в политические и финансово-экономические структуры АТР. Одновременно следует ожидать дальнейшего активного продвижения идеи взаимодействия субрегиональных зон свободной торговли с Евразийским экономическим союзом. Задача формирования предметного экономического партнерства между ЕАЭС, ШОС (в том числе, с учетом начавшегося присоединения к ней Индии и Пакистана) и АСЕАН была поставлена в Послании В. В. Путина Федеральному собранию 4 декабря 2015 года при одновременном упоре на форсированную реализацию объектов приоритетного развития дальневосточных регионов страны. Конкретно речь могла бы идти о том, чтобы сосредоточиться на защите капиталовложений, облегчении процедур движения товаропотоков через границы, выработке общих технических стандартов, взаимном открытии доступов на рынки услуг и капиталовложений. Связующим звеном между Европой и АТР должен стать Северный морской путь, в связи с чем В. В. Путин поставил задачу повышения его конкурентоспособности, в том числе, за счет льготных режимов основных портов и гаваней на Дальнем Востоке. На первом Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2015 года обсуждались также вопросы модернизации Транссиба и БАМа, строительство газопровода «Сила Сибири». Речь может идти также и о сопряженности ЕАЭС и ЭПШП, а также о намерении подключить ЕАЭС и к запущенному в 2014 году процессу создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли [9]. О конкретной заинтересованности Москвы в том, чтобы не оставаться в стороне от экономических интеграционных процессов в АТР, свидетельствовало также и ее активное участие в созданном недавно Китаем Азиатском банке инфраструктурных инвестиций.

SECURITY IN ASIA-PACIFIC REGION
AND RUSSIAN INTERESTS

Mikhail Konarovskiy, Leading Researcher, Center for East Asia and SCO, Institute for International Studies (University) MFA of Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary.

Summary:

Asian-Pacific region remains the world economy's driving force. Against this background, old unresolved problems as well as emerging new challenges could worsen stability. Necessity of working out balanced structures to maintain regional stability and decrease the rising competition between the US and China, is on the agenda. In this respect, ASEAN has not lost its credibility. Its joint experience, as well as that of the East Asian summit, is worth reviewing for better use in common interests. The United States, for its part, is striving for creation of TPP as a tool for keeping its influence in East Asia. China is becoming Washington's principal rival in the region and is working out its own alternative plans. It is in Russia's interest to continue the drawing up of sectoral security structures under the ASEAN and EAS umbrella. From economic point of view, it is necessary to speed up implementation of the Siberia and Far East development projects.

Keywords: *Asia Pacific region EAS, ASEAN, Trans Pacific Partnership, SCJ, Regional Comprehensive Economic Cooperation, Silk Road Economic Belt, EAEU.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Денисов В. Россия и Корейский полуостров в новой международной ситуации // Ежегодник ИМИ. – М.: МГИМО-Университет, 2015. № 1 (11).
2. Кашин В. Почему опять кипит Южно-Китайское море? [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegieendowment.org/2015/10/29/ru-61801/i107>
3. [Лавров С.В.] Комментарий и ответы С.В. Лаврова по итогам участия в министерском совещании Россия – АСЕАН, Куала-Лумпур, 5 августа 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher
4. Лавров примет участие в форуме АСЕАН по безопасности и Восточно-Азиатском саммите // ТАСС. 2015. 6 августа. URL: <http://tass.ru/politika/2168285>
5. Михневич С.В. Эволюция архитектуры безопасности в АТР и ее политико-экономическое измерение в конце 20 – начале 21 века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data>.
6. Переговоры по Транстихоокеанскому партнерству: участники достигли соглашения. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/2319278> 5.10.2015
7. Перспективы и действия совместного создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21 века» (пер. с кит. яз.) / Государственный Комитет КНР по развитию и реформе, МИД КНР, Министерство коммерции КНР. Март 2015 г.
8. Петровский В. Дилеммы азиатско-тихоокеанской интеграции в геоэкономическом и геополитическом контексте // Международная жизнь. 2015, № 8.
9. Послание Президента Федеральному Собранию. 4 декабря 2015 года // Официальное интернет-представительство Президента РФ – [Kremlin.ru](http://kremlin.ru)
10. [Путин В.В.] Выступление Президента России В. Путина на 70-й сессии ГА ООН 28 сентября 2015 года // Официальное интернет-представительство Президента РФ – [Kremlin.ru](http://kremlin.ru)
11. Путин В.В. АТЭС: к открытому, равноправному сотрудничеству в интересах развития // Российская газета. 2015. 17 ноября. [Электронный ресурс]. URL: www.rg.ru/2015/11/17/statiya-site.html
12. Сафранчук И. А. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь». 2015. № 8.
13. Стратегия развития ШОС до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: www.sectSCO.org.ru
14. Сумский В. Юго-Восточная Азия. Становление нового глобального игрока? // Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. – М., 2015.
15. Уфимская декларация глав государств – членов ШОС. [Электронный ресурс]. URL: <http://sco-russia.ru/documents>
16. 2015 Leaders' Declaration. Manila. 19 November, 2015. URL: www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declaration

17. Joint drills with ASEAN proposed // ChinaDaily, Oct. 17–18, 2015.
18. Military leader pledges cooperation // ChinaDaily, Oct. 19, 2015.
19. *Pang J.* ASEAN and Global Change by // RSIS Commentary. № 253, 20 November, 2015.
20. *Rayakumar V.* The Changing Jihadist Threat to India // RSIS Commentary. № 229/2015, 27 October.
21. *Wanto A., Qadri A.M.* Islamic State: Islamic State: Understanding the Threat in Indonesia and Malaysia // RSIS Commentary. № 23/2015, 29 October.